

Трагедия любви и ненависти

Гастроли Московского театра имени Вл. Маяковского

Первое представление трагедии Еврипида «Медea» состоялось в 431 г. до нашей эры. Прошло без малого два с половиной тысячелетия со дня премьеры этой пьесы. И вот мы смотрим ее в постановке одного из крупнейших режиссеров нашего времени народного артиста СССР Н. П. Охлопкова.

За Николаем Павловичем Охлопковым прочно укрепилась репутация режиссера, который необыкновенно остро чувствует пульс нашей современности, режиссера смелой новаторской мысли, призванного ставить и решать коренные проблемы советской эпохи.

И вдруг «Медea»... Трагедия, которая переносит нас в колыхание человечества, в эпоху страстную, бурную, ставшую достоянием историков.

Уж если Охлопков поставил «Медea», можно не сомневаться, что эта трагедия восполняет какой-то вакуум в современном театральном искусстве.

Скорее всего в трагедии Еврипида режиссера поразили и увлекла мощно выраженная проблема личности или, вернее, взаимосвязь личности и общества.

Еврипид, современник бурных политических событий своего века, участник знаменитой Саламинской битвы, мыслит более трезво, более реалистично, чем его современники — философы. Проблемы нравственности, государства и права волновали его больше, чем религиозных проблем, хотя он и не порывал с религиозным мировоззрением. Он приближал героев к действительности, и по свидетельству Аристова, изображал людей такими, какими они были в жизни, с их мыслями, чувствами и тончайшими душевными переживаниями.

Человек, как мера всех вещей, ответственный за свои поступки, стоящий на распутье между добром и злом, но всегда внутренне зависящий от общества, от конкретного стечения обстоятельств, занимает

центральное место в трагедиях Еврипида и своими страданиями, своей борьбой выражает объективные закономерности гражданской и общественной жизни.

Из семнадцати трагедий Еврипида, сохранившихся до наших дней (всего им написано около 200), заслуживает наибольшего внимания «Медea», ибо по своей проблематике и направлению мысли она особенно созвучна нашей современности. Право на счастье, бунт против несправедливости и зла, естественное стремление человека к равноправию и свободе — эти мотивы трагедии необычайно близки всем советским людям.

Востигну титанический образ Медea, которая с необычайным мужеством борется против жестоких и бесчеловечных законов рабовладельческого общества. Образ противоречивый, наделенный внутренним благородством, но и фантастической жестокостью, выражающей сложную диалектику человеческой души. Преступница, женщина, отравившая из чувства оскорбленной гордости царя Креонта, любовника своего вероломного мужа Ясона, горячо любимых детей, Медea только страшной ценой этой преступлений утверждает идею морального долга и супружеской верности. Ее побуждения возвышены и благородны, она защищает святость семейного очага, преданность, любовь, и, зная, убедившись в полной возможности отстоять свои идеалы, избирает путь кровавой мести. Трагическая судьба Медea — результат ненормальных общественных условий,

выражение кризиса рабовладельческой идеологии, толкавшей даже благородных людей в бездну порока и преступлений. Нельзя, однако, не восхищаться героизмом и мужеством Медea. Ведь протеста против несправедливости, она бросает смелый вызов силам угнетения и лжи, которые калечат душу человека, убивают в нем самые возвышенные, благородные порывы!

Естественно, что постановка «Медea» предъявляет необыкновенно большие требования к театру и актерам. Начать с того, что она требует от исполнителей мощного темперамента, столь редко проявляющегося в современных спектаклях. И не только темперамента, но и умения мыслить в крупных философских масштабах, потрясая сердца зрителей правдой переживаемых чувств. Не менее важно передать на сцене героический дух античной древности, образу, мифологическую основу произведения. Одним словом, масса удивительных, но и ответственных задач, доступных далеко не всякому, даже большому художнику.

Н. Охлопков совместно с режиссером А. Кашкиным задумал спектакль, как героическую ораторию, с использованием хора, грандиозных по масштабу массовых сцен, музыки, живописных приемов и эффектов освещения. Эмоциональный накал трагедии подчеркивает бурная по настроению, насыщенная большими раздумьями и чувствами, символическая поэма «Орестея» композитора С. Танеева, вдохновенно исполняемая по ходу спектакля оркестром театра

под управлением заслуженного артиста РСФСР Ю. Силантьева.

При масштабности замысла спектакль оформлен скупой и даже простой: на сцене только необходимые детали — античные колонны, лестница, меняющиеся «задники». Но это благородная простота, отвечающая строгой красоте форм античного театра. Народный художник СССР В. Рындин, применив минимум изобразительных средств, добился с помощью несложных конструкций, а также цветовых и живописных приемов редкой выразительности. Особенно хорошо по исполнению и стилю античные костюмы.

Дух Аттики... Его можно почувствовать и в музыкальных, ритмически организованных массовых сценах, где отдельные группы исполнителей достигают скульптурной выразительности, и в пластичной игре актера, в наивности их речи, в чеканкой ление их поз и жестов.

Н. Охлопков в этом спектакле охотно прибегает к ассоциативным образам, пользуется символической деталью, если она выражает настроение или внутренний смысл данной сцены. Так в смысле наиболее драматических эпизодов слуги просят массу подносят и лицам героев античные маски — зеркала фортуны. Несомненно, это прозрачная аллегория, намекая ведь маска у древних всегда олицетворяла трагическую неотвратимость судьбы. Контрасты и тоже символически по внутреннему смыслу сцены с детьми Медea: их резвая беспричинность, безмятежность отте-

ряют ужас происходящих событий. С появлением коринтян, вестных несчастью, одетой в траур, над ними как бы распростерлись черные крылья беды. А возмездие, которое постигает в финале трагедии вероломного Ясона, выражено также аллегорическим приемом — шелковой сетью, в которой медленно тонет и запутывается виновник всех несчастий Медea.

Много фантазии, блестящей выдумки, смелых режиссерских находок. Что касается актеров, то в спектакле заняты по преимуществу ведущие, наиболее прославленные мастера театра. Роль Медea исполняет широко известная артистка по своим работам в театре и кино заслуженная артистка РСФСР Е. Козырева.

Уж кому-кому, а Е. Козыревой нельзя отказать в ярком и сильном темпераменте. В сочетании с уже упомянутым благородством и умом это неосценимое качество помогло актрисе создать действительно прекрасный образ Медea. Честность — в решимости ее героини отстоять свое право на счастье. А глубина чувств, душевное величие и воля рождаются в ней, как результат неравноправной борьбы с царшей повсюду несправедливостью. Нарастание трагической коллизии передано Е. Козыревой в бурном чередовании душевных состояний Медea от пламенной любви к Ясону и детям до ненависти к ним и мстительного желания растоптать все то, что так дорого ее сердцу.

Страстность натуры и незаурядный ум этой гордой же-

щины, наряду с присущей ей жестокостью, раскрываются в сценах с Ясоном, царем Коринфа Креонтом и афинским царем Эгеом. Три властелина, три деспота, решающих судьбу Медea. И к каждому она находит свой особый, часто женский подход. Предателя Ясона она пытается склонить на свою сторону сначала чарами любви, а потом доводами здравого рассудка. Но тщетно! По настоянию Креонта, ставшего зятем Ясона, Медea должна покинуть пределы Коринфа. Хитростью, мольбами, притворным согласием на брак Ясона с дочерью Креонта пытается она умилостивить грозного царя и, получив отсрочку, заручается поддержкой Эгеа, чтобы отомстить виновникам своего бесчестия и позора. Момент претупления — момент невыносимой кульминации чувств — Козырева проводит с редким душевным подъемом, достигая трагических высот.

Креонт, царь Коринфа (народный артист РСФСР А. Ханов) не уступает по масштабу самой Медea, она востигну опаснее и грознее противника. Грубый деспотизм, спесивость и провозвал — отличительные черты Креонта — А. Ханов выразительно подчеркивает, не лишая коринфского царя духовной мощи и своеобразного величия. Зато Ясон в исполнении актера Е. Лазарева — олицетворение врожденной хитрости и вероломства. Самолюбивый, заносчивый и дерзкий, но крайне неустойчивый, он достигает своих корыстных целей, прибегая то к утонченной лести, то к изощренному обма-

ну. Но в минуты опасности его покидают тщеславие и позыстерство. Перед нами жалкий, растерянный трус, человек в сущности слабый и лживый. И это правильно оттеняет Е. Лазарева, создавая характер глубоко противоречивый. Честлолюбив, но старчески бессильный афинский царь Эгей в изображении заслуженного артиста РСФСР А. Лукьянова. С большим накалом чувств, ярко и сочно, играют роли — кормилицу Э. Либерчук и воспитателя детей Медea — заслуженный артист РСФСР С. Морской.

В спектакле действительно слышен «гневный я горестный» голос величайшего поэта древности, подымающийся в защиту человека, его прав и достоинства.

Несомненно, охлопковский спектакль полемичен, как и все, что делает этот крупный художник. Он полемичен по стилю, по замыслу и даже по своей идейной направленности, ибо выдвигает на первый план личность человека, подкапывает новые приемы и пути ее изображения в искусстве, акцентизируя тем самым творческую мысль драматургов.

Именно поэтому постановка «Медea» по праву займет свое место в сокровищнице самых больших и вдохновенных достижений советского театра.

И. ЕГОРОВ

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

21 июля 1962 г. 8 стр.